

УДК 811.111'42

Самохина В.А.

ШЕКСПИРОВСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИНТЕРТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются три аспекта шекспировской прецедентности как источники интертекстуальности: в художественных текстах; в связи с новым толкованием личности автора; с особенностями шекспиризмов в юморе.

Ключевые слова: новая интертекстуальность, прецедентная феноменология, шекспиризмы.

Самохіна В.О. Шекспірівська феноменологія як інтертекстова реальність. У статті розглядаються три аспекти шекспірівської прецедентності як джерело інтертекстуальності: у художніх текстах; у зв'язку з новим тлумаченням особистості автора; з особливостями шекспіризмів у гуморі.

Ключові слова: нова інтертекстуальність, прецедентна феноменологія, шекспіризми.

Samokhina V.O. Shakespeare's phenomenology as intertextual reality. The article considers three aspects of Shakespearian precedent text as a source of intertextuality: in the belle-lettres style; in connection with a new interpretation of the author's personality; as well as peculiarities of Shakespearisms in humour.

Key words: new intertextuality, precedent phenomenology, Shakespearisms.

Феномен текста давно и прочно занял свою позицию в научной картине мира, как она сложилась к началу XXI века (И.М. Колегаева, 2008, с. 70). Среди ученых, внесших огромный вклад в теорию текста – имя Ирины Михайловны Колегаевой – доктора филологических наук, профессора, выдающегося ученого-лингвиста, теоретика отечественного языкознания, стоящего во главе целого ряда новых филологических начинаний, сделавшего так много для роста и подготовки специалистов высшей квалификации в Украине. Работы Ирины Михайловны являются настольными книгами для филологов разных поколений. Полифония аспектов, рассматриваемых профессором И.М. Колегаевой, говорит о незаурядности и таланте ученого, в основе исследований которого – система собственных взглядов и установок, обуславливающих самобытность и уникальность подхода к анализу текста (среди основных – текст как коммуникативный феномен; парадигмальные стороны и разновекторные трансформации текста в коммуникативном пространстве; текстовые трансформации; расширение коммуникативной ипостаси текста, приводящей к

появлению мегатекста, макротекста и гипертекста и др.) [см. 7-14]. Текст как завершенное, цельнооформленное вербальное сообщение оказывается включенным в некое структурно и функционально идентифицируемое целое, т.е. в некую текстовую парадигму [12, 70-71].

Простота и одновременно конгениальность этой мысли подводит к вопросу об интертекстовом характере текста, о его концептуальном диалоге с другими текстами и с человеком, который может оценивать эти отношения и их интерпретировать, ибо интертекстуальность формирует метатекстовую функцию для адресата [3, 12]. Такую организацию текста М.М. Бахтин называл полифонической, используя музыковедческий термин, употребляющийся для описания одновременного звучания двух или трех музыкальных партий [1] и являющийся одним из конститутивных принципов коммуникации с помощью текста. Тексты разных типов порождаются и воспринимаются буквально в каждой интеракции, т.е. в условиях естественного семиозиса, который «реализуется на основе единой информационной базы человека – его памяти, включающей «память тела», «память разума» и «память эмоционально-оценочных переживаний» [5, 13]. В этой связи интертекстуальность целесообразно интерпретировать как свойство текста, из-за которого порождение и восприятие одного текста зависит от знания других текстов. Следовательно, интертекстуальность – это знание: историко-культурная и языковая специфичность текста, это интерпретация текста адресатом в условиях социализации – способности распознавания интертекстуальных связей. Основой стратегии интертекстуальности является декодирование интертекстуального текста.

Шекспировские тексты представляют собой неиссякаемый источник интертекстуальности «в действии», так как творческое наследие «Великого Феникса» вписывает себя в историю человечества, выступая одновременно в качестве метатекста и претекста, и дает возможность доказать, что текст не

«умирает» после его написания, а становится его неотъемлемой частью и продолжает развиваться [4, 57-58].

Шекспировская прецедентная феноменология членится по двум парадигмам: 1) она известна узкому кругу лиц (специалистам творчества Шекспира); 2) известна широкому кругу носителей языка в течение длительного времени (распространенные цитаты из произведений Шекспира). Шекспировская интертекстуальность первого типа в англо-американской традиции является интерперсональной, интертекстуальность второго типа – культурной.

Наш интерес к шекспировской прецедентной феноменологии продиктован тремя причинами: 1) широким изучением этого явления в литературе, и тем не менее, неисследованностью его в связи с 2) новым подходом к самой личности Шекспира – а именно, неостратфордианским подходом, открывающим уникальные возможности нового прочтения произведений Шекспира; 3) неизученностью использования шекспиризмов в юморе. **Актуальность** темы обусловлена необходимостью всестороннего изучения шекспиризмов как составляющих когнитивной базы лингвокультурного общества в интердискурсивном пространстве.

Шекспировская прецедентная феноменология является неисчерпаемым источником создания новой интертекстуальности. В известном английском анекдоте одна дама говорит, что Шекспир ей нравится, но ее раздражает одна особенность его произведений – невероятное количество клише! Удивительная сила шекспировского слова не в меньшей мере, чем его гений драматурга и поэта, делает его творения актуальными. Для оценивания совокупности способностей и характеристик, свойственных Шекспиру как конкретной языковой личности, мы имеем созданные им тексты, в которых автор реализовал собственное индивидуальное когнитивное пространство, т.е. уникальную систему своих знаний, взглядов и представлений [15, 41-45]. Все произведения Шекспира составляют феномен прецедентного мира – особую систему лингвокультурных

концептов, которым свойственна персонажная, событийная и цитатная актуальность [17, 181].

Впервые в данной работе шекспировская феноменология связывается с тремя аспектами: художественной литературой, подходами к личности Шекспира и юмором.

Шекспир и художественная литература

Имена персонажей Шекспира получают прецедентный статус и становятся значимыми. Среди них в порядке убывания частотности располагаются Hamlet, Romeo and Juliet, Othello, Macbeth, King Lear. Содержание, закрепленное за данными именами собственными, связано с ними настолько устойчиво, что они употребляются в речи без дополнительных пояснений: "... he is as certainly representative of humanity, as many-sided and as mysterious as Hamlet (T. Huff)". Или "Maybe, she, too, ends tragically. A modern "Romeo and Juliet" (C. Baehr).

Пример нонсенса, составленного из искаженных стихов В. Шекспира, находим в романе Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна»: «Быть или не быть? Вот в чем загвоздка!» или: ... О милая Офелия! О Нимфа! / Сомкни ты челюсти, тяжелые, как мрамор / И в монастырь ступай!»

Шекспировские прецедентные имена собственные обладают огромными экспрессивными возможностями. Появляясь в «чужом» тексте, они легко идентифицируются, привнося в новый текст дополнительный смысл. Одно из лирических стихотворений Леси Украинки, безусловно навеянное шекспировской героиней Офелией, начинается следующими строками: «Хотіла б я уплисти за водою, немов Офелія, уквітчана, безумна».

Имена персонажей Шекспира, заимствованные авторами художественных произведений, определяют многомерность образов и ситуаций, включаются в диалог с произведениями великого гения, нередко используются в качестве сравнения: «Точно Офелия»... Ульяна Петровна совсем забыла о мире» (Н.С. Лесков «Обойденные»); «... как Гамлет сношу удары оскорбляющей судьбы» (Н.С. Лесков «Смех и горе»).

К шекспировским реминисценциям относится сравнение героя «Бесов» Николая Ставрогина с принцем Гарри, наследником трона, а затем с английским королем Генрихом V в исторической хронике «Король Генрих IV». Одна из глав так и называется «Принц Гарри. Сватанье». Это сравнение делает другой герой романа – Степан Трофимович Верховинский, идеалист и страстный сторонник Шекспира. Желая утешить мать Ставрогина, обеспокоенную слухами о «безумных кутежах», «Степан Трофимович уверял ее, что это только первые буйные порывы слишком богатой организации, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившего с Фальстафом, Пойнсом и мистрис Квикли». Лейтмотив шекспировской пьесы «Буря» явно присутствует в поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля» благодаря аллюзии «Those are pearls that were his eyes».

В творчестве Бориса Пастернака шекспировский цикл занимает особое место и служит достойным примером изучения и исследования. Переводчик оставил нам помимо самих переводов рассказ о методах своей работы, о том, как она протекала: «В мастерской Пастернака просторно. Здесь царят законы Шекспировской космогонии. Рукой подать, рядом – жизнь, природа, человек. Рядом – вода, огонь, буря, звезды, смерть, бессмертие. Что всего ненавистней для мастера слова? «Слова, слова, слова»... Ни ученых выкладок, ни цитат, ни картотеки».

У Пушкина встречается одно из первых упоминаний о Шекспире как авторе сонетов: Суровый Дант не презирал сонета; / В нем жар любви Петрарка изливал; / Игру его любил творец Макбета; / Им скорбну мысль Камоэнс облакал. То, что Пушкин вместо «Шекспир» написал «творец Макбета», не сомневаясь, что его поймут, показывает, насколько хорошо были известны тогдашнему читателю драматические произведения Шекспира, – в первую очередь, трагедии.

В ранних юмористически рассказах А.П. Чехова встречается в основном пословичное цитирование Шекспира: «О женщины, ничтожества вам имя!», «Башмаков она еще не износила», «Крови жажду!» («Торжество победителя»,

«Трагик поневоле»). Комически переиначено знаменитое “To be or not to be”: «Небольшие размеры основного капитала, отсутствие каких-либо серьезных операций, а также неопределенность целей ставили ребром гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?»»

Шекспировские интексты ориентируют читателя на определенные стереотипы, на знакомую ситуацию; перенос шекспировских цитат в новый текст часто создает комический эффект, эффект сопричастия, что делает акцент на творческую трансформацию знаний автора в новое знание, влекущее за собой «диалог текстов».

Шекспир и Шакспер

На сегодняшний день имеются серьезные исследования по поводу личности Шекспира и активно поддерживается версия, что именем «Shakespeare» (досл. «потрясающий копьем») называли Роджера Мэннерса, V графа Рэтленда его собраты по Падуанскому университету студенты Розенкранц и Гильденстерн (списки студентов сохранились). По мнению профессора И. Гилюлова, «потрясающий копьем» (под которым имеется ввиду перо) – это (современник Шакспера – а именно так произносится имя «великого стратфордianца») – Роджер Мэннерс, который и является подлинным автором великих творений [2] (см. также: М. Литвинова «Портреты Шекспира разгаданы», С. Степанов «Шекспировы сонеты или «Игра в игре», О. Козминиус, О. Мелехций «Шекспир. Тайная история», Ф. Шипулинский «Шекспир – Рэтленд», С. Макуренок «У. Шекспир. Поэзия. Монологи», В. Новомиров «Кто придумал Шекспира?», А. Лепков «Был ли Шекспир Шекспиром?», в том числе и работы британских ученых на данную тему).

Эти авторы пытаются дать собственные ответы на основные вопросы шекспироведения, основываясь на привычных постулатах и выстраивая свои исследования на ином фундаменте, относя к стратфордianцам имя Шакспера, а к ретлэндianцам (или нестратфордianцам) – Шекспира.

М. Литвинова и С. Смирнов утверждают, что подавляющая часть сонетов посвящены жене Роджера Мэннерса, графине Елизавете, дочери Филиппа Сидни, которую они отождествляют со Смутной Леди. На роль автора сонетов, следовательно, претендует Роджер Мэннерс. И тогда, по мнению С. Смирнова и М. Литвиновой, нарицательное существительное *manners* (а это родовая фамилия Рэтленда) (см. Сонеты 39, 85, 111) превращается в прецедентное имя собственное: “My tongue – tied Muse in MANNERS holds her still” (Сонет 85), и соответственно, новое прочтение! Сонет 39: Oh, how they worth with manners may I sing. Или сонет 111: «The public means which public manners breeds, где снова употребляется слово manners – фамилия Рэтленда (об этом пишет и И. Гилилов), т.е. *manners breeds* – «Мэннерс порождает», где *manners* – прецедентное имя собственное, а *breeds* – глагол третьего лица настоящего времени. «Темная дама» – это Элизабет Сидни, Друг – это граф Саутгемптон, друг Рэтленда. И тогда сонеты приобретают новый концептуальный автобиографический характер. Именно поэтому версия А. Аникста – одного из ведущих современных исследователей творчества Шекспира о том, что «неважно, кто была эта темная дама и ее Друг», представляется сомнительной, так как он обобщает конкретные образы, принижая художественную и историческую ценность данных творений. По мнению И.Т. Касавина, «споры по поводу текстов Шекспира и споры, отзвук которых слышится в этих текстах, делали эти тексты документами эпохи»... [6, 446].

Новое прочтение Шекспира-Рэтленда-Мэннерса, вероятно, поможет раскрыть многие загадки. Эти и другие вопросы изучают неостратфордianцы и проливают свет на новую интертекстуальность, новую прецедентность нового Шекспира. И как продолжение звучит четверостишие В. Высоцкого: Но гениальный всплеск похож на бред, / В рожденье смерть проглядывает косо. / А мы все ставим каверзный ответ / И не находим нужного вопроса, / в котором «Быть или не быть?» представлено закодированной фразой.

Шекспир и юмор

Шутки и каламбуры не дают столько разумных тестов слушателю, сколько интертекстуальные шутки. Интертекстуальность в шутке не имеет цели сбить с толку адресата, скорее она вызывает у него релевантные социальные знания и создает специфическую «игровую рамку». Шекспировская антропонимия часто является предметом шуток, в которой прецедентное имя собственное употребляется а) денотативно (экстенционально), или б) коннотативно (интенционально), т.е. используется для характеристики того или иного объекта: *He was the only witness to the car accident. The cop asked his name. "John Smith", he said. "Give us your real name", ordered the cop. "Well," said the witness, "Put me down as William Shakespeare". "That's better," said the cop. "You can't fool me with that Smith stuff"*.

Слова шекспировского Гамлета «Быть или не быть» сопровождают рекламу клиники по трансплантации собственных волос. Журналисты не перестают задаваться гамлетовским вопросом, переиначивая его на все лады: «рыть или не рыть», «пить или не пить», «выть или не выть», «дуть или не дуть». С помощью игры слов шекспировская прецедентная феноменология провоцирует создание комической ситуации, при этом приобретает дополнительные коннотации: *The first is dying Mercutio's remark: "Ask for me tomorrow and you shall find me a grave man"*. Здесь обыгрываются значения слова grave: 1) могила, 2) смерть, гибель, 3) мрачный, печальный. Шекспировской антропонимии свойственна определенная атрибутика (элементы, тесно связанные с характером или внешностью героя).

Шекспировская прецедентность используется для коллажа: *To do is to be. – Nietzsche. To be is to do. – Kant. Do be do be do be. – Sinatra. Do be or not do be. – Hamlet with a cold.*

Первое и второе аллюзивные высказывания построены по принципу синтаксической антиметаболы, или хиазма; третье аллюзивное высказывание имитирует мелодию на основе глаголов, четвертое – трансформация известной фразы Гамлета, которая является аллюзивной игрой слов, построенной на

приблизительной омофонии с оригинальной фразой. Все трансформации создают комический эффект.

Шекспировские интертексты насыщены богатой информацией, указывают на ключевые концепты культуры Англии. Шекспировская антропонимия – универсально-прецедентный феномен, известный любому среднему современному Homo Sapiens, входящий в «универсальное» когнитивное пространство [16, 174] и представляющий собой неисчерпаемый объект для дальнейших научных исследований, а «флорилегии» Шекспира являются уникальными россыпями талантливости писателя.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского/ М.М. Бахтин. – М., 1963. – 78 с.
2. Гилилов И. Игра об Уильяме Шекспире, или тайна Великого Феникса. – 2-е издание, испр. и доп. – Москва : Международные отношения, 2000. – 512 с.
3. Головкин Б.Н. Интертекст в массмедийном дискурсе. Изд. 2-е, испр. и доп. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
4. Дмитренко Ю.О. Шекспір як метатекст // Третій міжнародний науковий Форум «Сучасна англістика: Мова в контексті культури». Тези доповідей Ч. 1 / За ред. В.О. Самохіної (Дмитренко). – Х. : ХНУ, 2009. – С. 57-59.
5. Залевская А.А. Жизнь языка при межкультурных взаимодействиях // Жизнь языка в культуре и социуме. – М: Изд-во «Эйдос», 2010. – С. 13-15.
6. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин, М. : «Канон + «РООН» Реабилитация», 2008. – 544 с.
7. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одеса : РИООУП, 1991. – 120 с.
8. Колегаева И.М. Мегатекст як вияв комічної гетерогенності цілого завершеного тексту // Мовознавство. – 1996. – № 1. – С. 25-30.
9. Колегаева И.М. Комическая парадигма литературного произведения (культурологический аспект) // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського державного лінгвістичного університету. Лингвапакс – Київ, 2000. – VIII. – Вип.3-В. – С.547-555.
10. Колегаева И.М. Нарис про комунікативну вторинність // Записки з романо-германської філології. – Одеса : Латстар, 2005. – № 13. – С. 85-96.
11. Колегаева И.М., Попік І.П. Нарис про комунікативну вторинність і вторинний семіозис // Записки з романо-германської філології. Одеса : Фенікс, 2005. – С. 78-86.
12. Колегаева И.М. Текстовая парадигма : микро-, макро-, мега-, гипер- и просто текст // Записки з романо-германської філології. – Вип. 20 Ювілейний, присвячений 80-річчю проф. В.А. Кухаренко. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 70-78.
13. Колегаева И.М. Воспроизведенный дискурс: художественная и нехудожественная коммуникация // Слово і текст у просторі культури: тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченій 80-річчю з дня народження О.М. Мороховського. – Київ, КНЛУ, 2010.

14. Колегаєва І.М. Зображення персонажного дискурсу як жанрово детермінований вияв комічної вторинності в художньому тексті // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Сер. Романо-германська філологія. – № 896. – Харків, 2010. – С. 102-107.
15. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. — 352 с.
16. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?» – М. : ИТДГК, «Гнозис», 2003. – 375 с.
17. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.